

А.В. Дружинин

Собрание сочинений

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.В. Дружинин**
Собрание сочинений: Том 1 / А.В. Дружинин – М.: Книга по Требованию,
2020. – 667 с.

ISBN 978-5-8850-3843-0

ISBN 978-5-8850-3843-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Собрание сочинений покойнаго Александра Васильевича Дружинина будетъ состоять изъ *восьми* томовъ убористой печати, около 40 листовъ въ томѣ.

Томы I и II. *Беллетристика*. Эти два первые, нынѣ вышедшіе, тома заключаютъ въ себѣ *два* романа, *пять* повѣстей, *девять* разсказовъ, *одну* комедію и рядъ очерковъ подъ названіемъ: «Прошлое лѣто въ деревнѣ».

Томъ III. *Шекспиръ и Байронъ*. Здѣсь будутъ помѣщены четыре драмы Шекспира: «Король Лиръ», «Коріоланъ», «Ричардъ Третій» и «Король Іоаннъ», и два стихотворенія изъ Байрона.

Томъ IV. *Этюды объ англійскихъ писателяхъ*. Здѣсь будутъ помѣщены четыре большіе этюда, именно: «Джонсонъ и Босвелль», «Ричардъ Шериданъ», «Георгъ Краббъ» и «Вальтеръ Скоттъ». Томы 3-й и 4-й оканчиваются печатавіемъ и выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Томъ V. *Этюды изъ англійской и французской литературы*. Сюда войдутъ остальные этюды объ англійскихъ писателяхъ, біографіи, составленныя по Карлейлю и очерки замѣчательнѣйшихъ произведеній англійской и французской литературы.

Томъ VI. *Письма иногороднаго подписчика*. Здѣсь будутъ собраны всѣ статьи покойнаго Дружинина о русской литературѣ, печатавшіяся въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія» съ 1849 по 1854 годъ включительно.

Томъ VII. *Русская литература*. Сюда войдутъ критическія статьи Дружинина — о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы и его этюды о старыхъ и новыхъ русскихъ писателяхъ.

Томъ VIII. *Чернокнижниковъ*. Подъ этимъ заглавіемъ будетъ напечатанъ здѣсь рядъ юмористическихъ очерковъ, печатавшихся въ теченіе тринадцати лѣтъ (1850 — 1863) въ «Современникѣ»,

«Библіотекъ для Чтенія», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Искрѣ», «Вѣкѣ» и «Сѣверной Пчелѣ», подъ названіемъ: «Замѣтки петербургскаго туриста».

Къ I-му тому приложенъ весьма похожій портретъ автора. Біографія Дружинина, составленіе которой взялъ на себя П. В. Анненковъ, будетъ приложена къ одному изъ послѣднихъ томовъ.

Цѣна — 1 руб. 25 коп. за томъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА

ПОЛИНЬКА САКСЪ.

ПОВѢСТЬ.

ПРОЛОГЪ ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ.

I. — Отъ Кош. Ал. Сакса къ Павлу Александровичу Залѣшину.

Давно нѣтъ отъ тебя писемъ, почтенный пантагрюэлистъ; стояло бы воздать тебѣ по заслугамъ, то есть самому ничего не писать, да въ этомъ случаѣ вся невыгода упадетъ на мою сторону. Пусть получу я крестъ, пусть выгонять меня изъ службы, ты все это провѣдаешь изъ газетъ. Умри я, и объ этомъ, можетъ быть, напишутъ. Конечно тамъ не буду я описанъ «сановникомъ, оплакиваемымъ подчиненными», даже до «всѣми уважаемаго мужа» остается мнѣ служить лѣтъ пять, а все-таки узнаешь ты, что такой-то Саксъ, чиновникъ особыхъ порученій, исключается изъ списковъ такого-то министерства.

А о тебѣ, безъ твоихъ писемъ, я ничего знать не буду. Ты богатый помѣщикъ, бьешь собакъ, по выраженію нашихъ стариковъ, въ губерніи слынешь отцемъ своихъ крестьянъ, да кто же изъ васъ не отецъ крестьянамъ? Давай же, стало быть, подѣятельнѣе переписываться.

Кромѣ всего этого, я сегодня такъ расположенъ къ откровенности, что положилъ передъ собою листъ бумаги, и не подумавши о планѣ письма. Съ кѣмъ поболтать мнѣ?... жена снятъ какъ дитя, положивъ ручки подъ голову, а я не могу еще спать, благодаря проклятой привычкѣ ночью работать... И сверхъ того, на душѣ не совсѣмъ весело.

А между тѣмъ, день и начался и кончился счастливо. Поутру раздѣлался я со слѣдствіемъ, которое на меня взвалили по службѣ, и кончилъ его такъ, что не одинъ богатый сеньоръ почешетъ у себя въ затылкѣ. Безъ гнѣва и пристрастія, *sine ira et studio* я вывелъ на свѣтъ божій всѣ продѣлки извѣстнаго тебѣ комитета

и открыто вызвалъ на бой дѣльцовъ, не отвыкшихъ еще отъ идеи, что за казну, какъ за общую собственность, не слѣдъ вступаться какому-нибудь выскочкѣ. Министръ нѣсколько разъ прочитывалъ мой докладъ, соглашался съ моими доводами и сегодня окончательно благодарилъ меня. Я воротился домой не безъ радостнаго волненія; мысль, что трудъ мой не пропалъ даромъ, дала мнѣ порядочную дозу самодовольствія.

Полянка была хороша какъ ангелъ, весела какъ птичка, — все это въ порядкѣ вещей. Меня порадовало то, что я засталъ ее за роялемъ, а сильный ея *mezzo organo* звенѣлъ въ моихъ ушахъ, когда я былъ еще на лѣстницѣ. Ты знаешь, до какой варварской степени наши дамы и дѣвицы равнодушны къ музыкѣ: а моя жена, съ горестью признаюсь, хуже всѣхъ ихъ на этотъ счетъ. Она явно зѣваетъ въ оперѣ, дома же любитъ играть яолки и галопы. Одна проклятая *Sperl-Polka* испортила у меня бездну крови.

На этотъ разъ однако она пѣла знаменитый романсъ Дездемоны. Много минутъ изъ дѣтства и молодости припомнилъ мнѣ этотъ гениальный романсъ. Благодарю судьбу за восприимчивость и память моей души: довольно я пожилъ и пострадалъ и позлился на своемъ вѣку, а между тѣмъ ни одна свѣтлая минута не забыта мною, ни одно ясное чувство не утратило надо мною своей силы.

Я не скрывалъ своего удовольствія: свѣжій и сильный голосъ Полянки волновалъ всю мою внутренность. Я думалъ почти такъ: изъ слабой души не можетъ литься такое энергическое пѣніе; а если есть душа, то мы до нея доберемся.

Со всѣмъ тѣмъ Полянкина манера пѣнія далеко не удовлетворяла музыкальнымъ условіямъ. Она пѣла грустный романсъ *Assisa al piè d'un salice* также бойко и живо, какъ дозволяется только пѣть «Черный цвѣтъ» или «*Jeune fille aux yeux noirs*». Она даже прихотливо варьировала окончаніе каждаго куплета, тогда какъ въ однообразіи окончанія, въ одномъ и томъ же меланхолическомъ припѣвѣ романса заключалось что-то говорящее про одну и ту же мысль, неотступную, раздражающую душу.

Я догадался, что смыслъ романса ей не понятенъ, и что врядъ ли она слышала гдѣ-нибудь про исторію Дездемоны. Оперу у насъ еще только собираются ставить, Шекспира мы еще не читаемъ.

Потому-то, когда она кончила, я посадилъ ее подлѣ себя, шутя далъ ей замѣтить ошибки въ ея пѣніи и наконецъ рассказалъ ей по своему исторію Отелло и его жены. Она выслушала меня съ

удовольствіемъ и тутъ же назвала меня именемъ венеціанскаго мавра. Было ли это подозрѣніе въ ревности или намекъ на мои рассказы, я рѣшительно не знаю.

Смѣйся, смѣйся надъ нашею ученою болтовнею. На письмѣ оно плохо, а на дѣлѣ я не знаю высшаго наслажденія, какъ слѣдить за мыслями дорогаго намъ ребенка, ставить его въ уровень съ нами и съ вѣкомъ, передавать ему въ доступномъ видѣ все то, что казалось намъ и глубокимъ и поэтическимъ, — потому-что, я долженъ тебѣ признаться, я влюбленъ въ мою жену, влюбленъ какъ ребенокъ, какъ старикъ, какъ сумасшедшій. Сама судьба берегла меня для этой страсти: благодаря болѣзненному, раннему развитію моихъ силъ, первая любовь захватила меня въ ребяческомъ возрастѣ. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ, — что это была за страсть? А она долго во мнѣ ворочалась, мучительно умирала, и вотъ почему во всю мою молодость, испытавши все на свѣтѣ, я не испыталъ настоящей любви къ женщинѣ.

Весь остатокъ дня Полинъка волочилась за мною, прыгала вокругъ меня какъ котенокъ, показывала мнѣ свое хозяйство, которое имѣетъ только то неудобство, что стоитъ вдесятеро дороже всякаго другаго. Она пересказывала мнѣ свое безпокойство, когда я работалъ въ канцеляріи, и по этому случаю высказала довольно оригинальное мнѣніе о моихъ занятіяхъ. По ея соображеніямъ, мы, запершись по комнатамъ, пишемъ всякую дрянь по своему выбору, но не въ содержаніи дѣло: начальство смотритъ наши труды и награждаетъ тѣхъ, у кого работа красивѣе написана. Можешь представить себѣ, какъ боялась Полинъка за меня, *qui écrit toujours en pattes de mouches*.

Конечно, она сама смѣялась, рассказывая эти вздоры, совѣтъ тѣмъ наивности эта мнѣ не по мысли. Я думалъ сначала объяснить ей кое-что, однако оставилъ служебныя тайны до другаго раза. Къ вечеру я самъ сдѣлался ребенкомъ и чуть не игралъ съ нею въ куклы. Она отказалась ѣхать въ театръ и къ теткѣ, и вечеръ нашъ представлялъ сладчайшій идеалъ семейнаго счастья, которому не только бы позавидовали здѣшніе ротозей-моралисты, но въ которомъ и ты даже не нашелъ бы нищи своему сатирическому уму.

По обыкновенію, я не ложился спать, и пока Полинъка засыпала, я сидѣлъ на постѣли, нагнувшись къ ея личику, на которое вѣроятно не посмотрю вдоволь. Оно было такъ очаровательно въ тѣ минуты, когда, подъ влияніемъ сна, органы его перестали принимать впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ. Я смотрѣлъ,

смотрѣлъ и досмотрѣлся до того, что тягостныя мысли начали бродить въ моей головѣ.

Отличительная черта Полинкиной красоты — это ея дѣтская миловидность. Верхняя ея губа далеко отстаетъ отъ нижней: красота ребяческая, а не женская. Вся нижняя часть лица ея такъ кругла, что на ней не видно ни одной ямочки. Это удивительно идетъ къ Полинкѣ; но, по моему мнѣнiю, женщина въ девятнадцать лѣтъ могла бы обойтись безъ этого достоинства.

Такъ, признаки эти согласовались съ характеромъ Полинки... или нѣтъ, не съ ея характеромъ, а съ слѣдами воспитанiя, которое дали ей примѣрные родители ея... чтобъ ихъ нелегкая побрала! И еще родители не такъ виноваты, какъ общество, которое требованiями своими заставило обращать женщинъ въ ребятнишекъ.

Я припомнилъ жизнь жены моей въ дѣвушкахъ: она славилась своею невинностию, иначе наивностию, иначе... Я помню очень хорошо кучу прiятелей, которые таяли отъ восторга при ея шалостяхъ, при ея институтскихъ *bons mots*! И глупая молодежь шептала: «Чудный ребенокъ! что за ангелъ!» не думая того, что намъ нужны женщины, а не ангелы. И съ какой гордостию старикъ отецъ отпустилъ мѣ въ день свадьбы эту стереотипную фразу: «берегите мою Полинку, — она такое дитя!»

Неужели же никогда не приходило вамъ въ голову, почтенный папенька, что для человѣка, который потаскался по свѣту, бывалъ на конѣ и подъ конемъ, давно распростился съ пастушескими помышленiями, названiе дитяти не есть еще почетный титулъ?

Невинность, дитя, пансионерка! всѣ эти слова имѣютъ большой вѣсъ между поклонниками женщинъ, да легче ли мнѣ отъ этого? И вотъ уже годъ, какъ я стараюсь приготовить милаго и дѣльнаго помощника измученной моей душѣ, которая, безъ шутокъ, такъ нуждается въ дружбѣ, въ истинной веселости... въ потребности болтать отъ чистаго сердца.

И вотъ уже годъ, какъ я бьюсь изо всѣхъ силъ, чтобъ оживить эту миленькую статуэтку! Усилия мои далеки, очень далеки отъ успѣха...

Первою моею заботою поставилъ я потребность образовать эстетическiй вкусъ Полинки. Я окружилъ ее предметами искусства, рука ея не коснулась ни до одной вещи, которая бы не была въ полной мѣрѣ изящна. И что же? рѣдкiя мои картины стоятъ въ пыли, цвѣты сохнутъ отъ беззаботности, уборка комнатъ, надъ которою я такъ ломалъ свою голову, не то что нравится ей, не то чтобы не по вкусу...

Напрасно старался я пріохотить ее къ музыкѣ: садиться за рояль для нея наказаніе; несмотря на прекрасный свой голосъ, она стыдится пѣть при другихъ и даже при мнѣ. Поетъ ли она, когда бываетъ одна, этого я не знаю, а при мнѣ она сегодня въ первый разъ сыграла серьезную музыкальную пьесу...

Чего же ожидать отъ чтенія? Я, признаюсь, столько видѣлъ зла отъ страсти къ книгамъ, что боюсь даже налегать на этотъ предметъ. Пробовалъ однако я давать ей первые романы Жоржа Санда: я былъ вполне убѣжденъ, что женщины будутъ доступны гений женщины. Вышло совсѣмъ напротивъ: она зѣвала, зѣвала и — бросила книги съ отвращеніемъ.

Практическая жизнь для нея и чужда и не понятна. Въ свѣтѣ ей кажутся странными именно тѣ вещи, которыя приближаются къ здравому смыслу. Она и знать не хочетъ, въ чемъ состоитъ служба ея мужа и зачѣмъ бы ему такъ часто по ночамъ запирались у себя въ кабинетъ...

Я вижу однако, что я разболтался и порядочно проболтался: пусть будетъ такъ; безъ нужды скрывать дѣла свои также глупо, какъ и трезвонить о нихъ встрѣчному и поперечному. Да и церемониться мнѣ съ тобою нечего: не даромъ мы съ тобою вмѣстѣ учились, вмѣстѣ шатались по свѣту и вмѣстѣ дрались на Кавказѣ. Конечно дѣла эти случались не совсѣмъ въ свое время: сначала мы пошатались, потомъ поучились и для увѣнчанія философскихъ теорій отправились истреблять родъ человѣчскій.

Все-таки мы пріятели, хотя давно ужъ разошлись въ разные стороны. Ты удалился въ свою Аркадію и успокоился, *meuennent un peu de raptaguelisme*, отъ бурь и тревоженій свѣтскихъ, а я влюбился, женился и ясно увидѣлъ, что приходится начинать мой романъ съ первой страницы.

Письмо это навело на меня много грустныхъ размышленій, а потомъ экзальтировало меня, какъ осьмнадцатилѣтняго мальчика. Я захотѣлъ еще посмотреть на Полиньку, чтобы разсѣять мою мысль, и потому перервалъ мое письмо и подошелъ къ ней. Она спала, раскинувшись но дѣтски, съ такимъ же ангельски-безстрастнымъ выраженіемъ лица. Мнѣ хотѣлось поцаловать ее; боясь помѣшать ея сну, я чуть-чуть прикоснулся къ ней губами. Сердце ея билось такъ неровно, то тише, то скорѣе, какъ будто рассказывало о чемъ-то съ большимъ увлеченіемъ... И я долго нагнувшись прислушивался къ его стуку...

Въ эти сладкія минуты я не жилъ, а бредилъ на яву. Мнѣ казалось, что это неугомонное сердце пересказываетъ мнѣ всю жизнь

моей Поли: какъ ее отгоняли въ дѣтствѣ отъ упражненій, способныхъ укрѣпить душу и тѣло, какъ набивали ей голову всякимъ вздоромъ и въ довершеніе всего заперли въ тѣсный домъ, наполненный подругами и наставницами. Это сердце рассказывало мнѣ, какъ ему мерещилось по временамъ чистое поле, и лѣсъ съ верхушками, колыхавшимися безъ вѣтра, и солнце, которое играло и дробилось на гладкомъ озерѣ... Много подобныхъ вещей было мнѣ рассказано, только я шажу твое терпѣніе, потому-что ты не женать, не влюбленъ, да и вѣрно болѣе не влюбишься.

Однако воображенія твоего хватитъ на столько, чтобы понять чувство, загорѣвшееся во мнѣ послѣ всѣхъ этихъ рассказовъ. Не оставляя сладкаго моего положенія, я возобновилъ мою клятву воспитать Полиньку по своему, хотя бы для этого потребовалось разсориться въ конецъ съ обществомъ. Я поклялся развить ея способности вполне, сообщить ея мыслямъ независимость и настоящій взглядъ на общество и вывести ее такимъ образомъ изъ ряда хорошенькихъ, но пустыхъ женщинъ. Я поклялся укрѣпить ея душевныя силы, направить ихъ ко всему доброму и разогнать облако сентиментальной, бессмысленной невинности, которое давить бѣднаго моего ребенка...

Я чувствую, что я виновать передъ Полинькою: въ эти полтора года я не сдѣлалъ изъ нея всего того, чего мнѣ хотѣлось, и не сдѣлалъ пменно потому, что подчасъ самъ съ нею ребячился, увлекался ея милыми недостатками. Въ эти полтора года она могла бы сдѣлаться женщиной: въ этомъ убѣждаютъ меня и ея легкая насмѣшливость, и маленькая вспыльчивость и привычка, при спорѣ, кусать нижнюю свою губу. Все это признаки характера.

Я не сдѣлалъ всего того, что могъ. Дай Богъ, чтобы не пришлось дорого заплатить за минуту глупаго вѣжничанья!

Скоро ли кончу я мой трудъ? скоро ли пройдетъ надобность воспитывать Полиньку? Если желаніе мое исполнится, какъ буду я счастливъ! Съ какой беззаботностью выйду я съ нею рука объ руку навстрѣчу жизни со всею ея дурною и хорошею стороною, и ты посмотришь, какъ будетъ умна, добра и весела крошечная моя Полинька!

II. — Отъ Полины Александровны Саксъ къ М-ше Annette Красинской.

Самый счастливый день изъ моей жизни былъ тотъ, когда я получила твое письмо, ma toute belle, mon incomparable Annette.